

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Петренко Сергея Николаевича
«Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской
литературе последней четверти XX- начала XXI века», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература (178 с., Волгоград, 2017)

Диссертация С.Н. Петренко посвящена действительно **актуальной** для новейшей отечественной литературы и литературоведения проблеме. Работа очень современна в лучшем смысле этого слова, и не только своим материалом, что вполне естественно, но и методологией анализа, органично сочетающей классические методы исследования художественного текста и современный подход к литературным и фольклорным явлениям последних двух-трех десятилетий как к части «культурной ситуации постмодерна» (с.6). Диссертант совершенно справедливо утверждает, что невозможно полноценное изучение актуальной литературы вне широкого контекста эстетического поля, образуемого разнообразными и многочисленными жанрами постфольклора, массовой литературы и культуры, телевидения, Интернет-культуры и т.п., что вполне может быть названо постмодернистской культурной парадигмой (положение 1).

Цель исследования, сформулированная автором как выявление «художественных функций жанров постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века» (с.12), несомненно, достигнута и свидетельствует об инновационном характере диссертации, о пристальном внимании ее автора к основным тенденциям современного литературного процесса и умении говорить об этих тенденциях на адекватном предмету исследования научном языке. Диссертация выполнена с использованием соответствующих поставленным задачам взаимосвязанных **методов** и приемов анализа, выбор которых обусловлен спецификой многообразных связей между постфольклором и современной литературой и позволяет диссертанту сохранить научность дискурса без его неоправданного «осовременивания».

Вполне убедителен и достаточно репрезентативен выбор авторов и текстов. Жаль только, что в круг избранных имен не вошла А. Старобинец, «русский Стивен Кинг», блестяще соединяющая в своем творчестве как раз то, чему посвящена глава о поэтике страшного и страшилках: детское, страшилку, классический фольклор, мифопоэтически переосмысленный, и «постмодернизм». Много интересного и подтверждающего оригинальные идеи диссертанта можно было бы найти и у В. Пелевина. (Это, конечно, не недостаток работы, скорее рекомендация на будущее.)

Теоретическая ценность представленной к защите диссертационной работы определяется тем, что ее результаты можно считать вкладом в дальнейшее развитие теории постфольклора как уникальной культурной парадигмы нашего времени, тесно взаимодействующей с актуальной художественной литературой, масскультом и смежными областями современной культуры и гуманитарного знания в целом. Диссертант часто (и уместно) пользуется понятиями «поле» или «среда», что вполне оправдано спецификой избранного им материала исследования. К «теоретической значимости» (с.13) вполне можно было бы добавить интересную классификацию групп садистских стишков, а также установление основных критериев общего «художественного фонда поэтических средств», объединяющих садистский стишок и поэтику постмодернизма (аллюзия, гротескный натурализм, снижение героического образа, прием анекдотической пуанты) (в главе 3).

Научная новизна работы очевидна: фактически впервые предметом серьезного исследования становятся стишки-пирожки и порошки, а также русская хайкумена как «постмодернистский литературно-фольклорный гипертекст» (с.13). Что касается генезиса, жанровой специфики, фольклорных и литературных источников, топосов, основных сюжетов и природе комизма одного из самых интересных постфольклорных жанров - садистских стишков, то, хотя они в последние 10-15 лет неоднократно привлекали внимание исследователей, серьезная монографическая работа в этом направлении еще предстоит

отечественной (пост)фольклористике и литературоведению. И диссертация С.Н. Петренко, на наш взгляд, - существенный вклад в развитие «садостиховедения».

Следует отметить соответствие структуры работы логике исследования, композиционную стройность и последовательность изложения (правда, можно было бы сократить реферативную первую главу (всего 13 страниц), сделав ее частью введения, оставив лишь обзор основных трудов по постфольклору и ограничившись двумя четкими определениями «рабочих терминов»).

Не останавливаясь подробно на содержании глав, отметим основные результаты исследования, свидетельствующие об инновационном характере работы, доказанности вынесенных на защиту положений и, соответственно, **о личном вкладе С.Н. Петренко** в разработку значимой для современной науки о литературе проблематики.

1. Доказана невозможность полноценного изучения поэтики русской постмодернистской литературы последних трех десятилетий без учета жанровых моделей постфольклора.

2. Установлено, что концепт «страшного» в постмодернистской литературе связан с поэтикой «страшилок» и «страшных рассказов», и описаны основные формы этого взаимодействия.

3. Выявлено типологического родство «садистского стишка» с поэтикой «черного юмора» в его постмодернистском варианте - пастишем и постмодернистской иронией.

4. Обоснована двойная фольклорно-литературная природа сетевой словесности и определены ее основные категориальные признаки.

5. Проанализированы и описаны как новый феномен сетевой словесности русские хокку и хайку в их основных жанровых разновидностях и широком культурном контексте.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов в университетских курсах «Устное народное творчество», «Современная русская (родная) литература», «Актуальные проблемы текущей отечественной литературы», «Основы стиховедения» (что уже было

сделано оппонентом на занятиях со студентами 4 курса СКФУ и вызвало большой интерес студенческой аудитории).

В дискуссионном плане хотелось бы обратить внимание диссертанта на некоторые из спорных моментов в форме открытых для публичной дискуссии **вопросов и замечаний**.

1. В главе 1 «Постмодернизм и постфольклор в современной российской культуре» диссертант обещает «пользоваться термином «постмодернизм» ... весьма аккуратно» (с.23), но фактически в работе постоянно смешиваются два понятия: постмодернистский от «постмодернизм» (т.е литературное направление в узком смысле) и постмодернистский от «постмодерн» (т.е. размытая культурная парадигма, современная эпоха, «состояние постмодерна», по Ж. Лиотару). Это приводит к тому, что практически все современные литературные (и не только) явления, выбранные в качестве материала исследования, называются автором «постмодернистскими», и сетевая (не вся же!), и даже детская литература, что, на наш взгляд, все же явное преувеличение. Даже ссылка на мнение В.Курицына, считающего возможным употреблять слова «постмодерн» и «постмодернизм» как синонимы (с.23), как нам кажется, не оправдывает диссертанта: что возможно в эссеистике и критике, непозволительно в диссертации. На той же с.23-24 «постмодернизм», по утверждению диссертанта, «будет рабочим термином», и в то же время несколько выше называется «пустым означающим» (тогда как использовать его в качестве термина?). На наш взгляд, трудность определения термина, «неопределимости» и «размытости» которого в работе посвящена не одна страница, все же не освобождает диссертанта от необходимости четкого определения «рабочего термина» в его сущностных характеристиках. Хотелось бы все-таки его услышать

2. Параграф 2.2 «Хронотоп страшилки в мифопоэтике русской постмодернистской литературы» несколько скомкан: очень хороша «фольклорная» часть, и всего полторы страницы собственно о литературе, где некоторым авторам (Алешковский, Маканин, Садур) посвящено по одному предложению, Пригову – небольшой абзац. Поэтому вывод об архетипической

природе образа «страшной руки» для читающего работу не выглядит убедительным, не будучи основанным на текстовом анализе. То же в подпараграфе 3.2.1 «Смех садистского стишка и постмодернистская ирония»: лишь называются несколько текстов, где «анекдотическая пуанта» есть (Довлатов, Войнович, Пьецух, Пелевин), но в чем она заключается, не ясно.

3. О ритмике садистских стишков. Вполне можно согласиться с тем, что трехсложники Некрасова, «вероятно подсознательно», могли повлиять на «семантический ореол метра» большинства стишков (четырёхстопный дактиль) (с. 72). Но возведение их ритмики к пионерским речевкам не убедительно. Во-первых, «Взвейтесь кострами, синие ночи» - песня, а не речевка. Во-вторых, представить дактиль в качестве речевки вообще сложно: речевка – это строевая «кричалка», ее ритм – хорей (во всяком случае, за всю свою многолетнюю пионерско-комсомольскую биографию автор этого отзыва не слышал ни одной «дактилической» речевки). Диссертант совершенно прав, утверждая, что в нашем случае нужно «учитывать ближайший для детско-подростковой аудитории контекст» (с. 75). Может, и были «дактилические» речевки где-нибудь в методических рекомендациях для вожатых, в «ближайшем контексте» - вряд ли.

И в «столовской» речевке «Раз, два – есть хотим...» нет никакой пародии, это и есть «основной» текст, широко бытующий во всех пионерлагерях. Возможно, у него и был «прототекст» о котлете или еще о чем-либо, но широко известным он точно не был.

4. По поводу «десакрализации библейского текста» постмодернизмом (пар.3.3) можно заметить, что десакрализировала этот текст как раз та самая советская культура, которую, в свою очередь, пытались десакрализировать постмодернисты. В их же случае имеет место игра с библейским претекстом, аллюзии и т.п. Они скорее смогли «напомнить читателю об утраченных этических ценностях» (с.97), парадоксально его восстанавливая для читателя – вот это замечание диссертанта точнее. Скорее уж они актуализировали, чем десакрализировали, и у некоторых из них (Кибиров, Пригов) этот процесс привел прямо в православие.

5. Социокультурные предпосылки и фольклорные корни садистского стиха рассмотрены диссертантом почти исчерпывающе, однако обращение почти исключительно к дактилическим стихам (их действительно большинство) помешало увидеть еще один несомненный источник жанра – обычную частушку (хореическую, как правило). Из всего иллюстративного материала диссертант приводит лишь один хореический стишок («На полу лежит мальчишка...»), однако уже этот пример, особенно в контексте «дискредитации официального текста» (с.82), наводит на мысль о близком взаимодействии, а возможно, и преемственности от городской политической частушки – иногда до практической неразличимости жанров. (Например, широко известные «Ускоренье – важный фактор...» или «С неба звездочка упала...»).

6. К главе «Универсалии постфольклора как текстопорождающие модели сетевой литературы» вопрос только один: если тема диссертации «Жанровые модели постфольклора в постмодернистской литературе...», то все-таки как рассматривать материал главы, сами тексты пирожков и хайку, – как современную литературу или как те самые жанровые модели постфольклора? Тогда они не «в литературе». «В литературе» - если используются собственно в художественном тексте, как хайку в прозе Пелевина, например. (Именно такие «читательские ожидания» вызываются названием работы).

Наши замечания носят в основном полемический или рекомендательный характер и относятся более к перспективе исследования, а не к его уровню, вполне соответствующему требованиям ВАК РФ. Мы считаем, что цель, поставленная диссертантом, достигнута, задачи решены, вынесенные на защиту положения убедительно доказаны. Работа прошла серьезную **апробацию** на 14 международных, всероссийских и региональных научных конференциях, результатом чего стали 17 работ, опубликованных по теме диссертации (в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ). Работы и автореферат полностью отражают основное содержание диссертации и авторскую концепцию.

По объекту исследования, аспектам и методам его анализа диссертационная работа С.Н. Петренко соответствует таким **разделам паспорта специальности 10.01.01** – русская литература, как история русской литературы XX – XXI веков; творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

В заключение можно с полным основанием констатировать, что диссертационное исследование Петренко Сергея Николаевича «Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX-начала XXI века» является самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей большое значение для современной филологической науки. Работа отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842, а ее автор, С.Н. Петренко, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
10.01.01 – русская литература,
доцент, профессор кафедры отечественной
и мировой литературы ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский
федеральный университет»

6 марта 2017 г.

Контактная информация:
Иванова Ирина Николаевна
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ауд. 409,
Тел. рабочий (8652) 33-01-98 (доб. 4231)
E-mail: oiiml@inbox.ru
Официальный сайт организации: <http://www.ncfu.ru>

И.Н. Иванова

**СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
доктора филологических наук, профессора Ивановой Ирины Николаевны
по теме диссертационного исследования Петренко Сергея Николаевича
«Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе
последней четверти XX- начала XXI века»**

1. Пародия и парапародия в лирике Т. Кибирова // Проблемы литературного пародирования: материалы международной научной конференции «Поэтика пародирования: серьезное/смешное» (Самара, 23-24 апреля 2010 года). – Вып.2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. – 278 с. - С. 153-157.
2. Трансформация комического в эстетике литературы «падонков» (феномен Литпром.ru и тенденции развития современной отечественной литературы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 7 (109). – 2011. - С. 84-88.
3. Антиутопия в современной отечественной литературе: трансформация жанра // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – Вып.77 (6). – Ч.1. – С. 135-139.
4. Рецепция советского военного мифа современной прозой: «Русский характер» А.Толстого и «Танкист, или «Белый тигр» И.Бояшова (научная статья) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы.: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – С. 224-226.
5. Мифопоэтика кризиса и возрождения: семейная тема в творчестве А. Старобинец Русская литература в современном культурном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции. - Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. – с. 242-248.
6. Сюжетообразующая функция артефакта в романе А.Иванова «Псоглавцы» // Литература в искусстве, искусство в литературе – 2013: сб. науч. ст. - Пермь, ПГАИК, 2013. – С 59-65.
7. «Деревенская проза» в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч.1. – С. 88-94.
8. Проза Фигля-Мигля: поэтика цинизма // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Научный журнал. Ставрополь, СКФУ, 2014. №2 (41). – С. 178-182.
9. "Мы" Е.Замятина и новейшая отечественная антиутопия // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып.2: К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов 1-4 октября 2014 г. Кн. 1. - Тамбов, Изд. ТГУ, 2014. - С. 229-233.

10. Урал как место встречи Востока и Запада в прозе Алексея Иванова // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сб. науч. ст. по итогам Шестой Междунар. науч. конф., посвящ. третьей годовщине основания Института Конфуция в ВГСПУ. Волгоград, 14–15 октября 2014 г. / отв. ред. Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 194–199.
11. Геопоэтика новейшей отечественной литературы: опыты освоения городского пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - № 8 (часть 2) 2015, – Тамбов: Изд. «Грамота», 2015. – С. 80–85.
12. Северный текст в современной отечественной прозе: версия Дмитрия Новикова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/125-20220>.
13. Геопоэтика локального текста в книге В. Авченко «Кристалл в прозрачной оправе» // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016. под ред. П.В. Алексеева. В 2х т. Т.2. – Горно-Алтайск, РИО ГАГУ, 2016. – С. 130–138.
14. Типология женских образов М. Кучерской в контексте христианской антропологии // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Вып.3. – 2016 г. – Ставрополь, Изд-во СКФУ, - С. 223–229 (В соавторстве с К.Р. Сафаровой).
15. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. DOI 10.17223/19986645 /45 /12 (В соавторстве с В.О. Кубышкиной и А.А. Серебряковым).

Доктор филологических наук.

10.01.01 – русская литература.

доцент, профессор кафедры отечественной
и мировой литературы ФГАОУ ВО

«Северо-Кавказский
федеральный университет»

Контактная информация:

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

355009 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ауд. 409

Тел. рабочий (8652) 33-01-98 (доб. 4231)

E-mail: oiiml@inbox.ru

Официальный сайт организации: <http://www.nefu.ru>

Иванова Ирина Николаевна

06.03.2017